Прошло 40 лет после Великой Победы, но вечно жива память о тех кто внес свой посильный вклад в разгром фашизма. Велик интерес к духовному наследию советского народа военных лет, составной частью которого является массовое поэтическое творчество. В его произведениях запечатлены думы и чаяния, переживания тех, кто боролся с врагом изображены боевые и трудовые подвиги советских людей, запечатлена твердая уверенность советского народа в победе над фашизмом.

К. П. Кабашников

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С каждым годом все глубже раскрываются подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, всемирно-историческое значение победы над фашизмом для дальнейших судеб народов планеты, для роста и укрепления сил мира, прогресса, социализма. Патриотизм, массовый героизм, мужество и отвага советских людей вдохновляли и вдохновляют писателей, композиторов, художников, деятелей кино на создание произведений, достойных этого подвига. Художественной летописью всенародной борьбы с врагом стало и устное народное творчество — поэтический отклик на события непосредственных ее участников. В этом смысле фольклор — ценный художественный и исторический документ, но значение его гораздо шире. Как и другие виды искусства, фольклорные произведения, отражая народный подвиг, воздействуя на умы и чувства советских людей, звали их на борьбу за правое дело, вселяли веру в окончательную победу над врагом. Свое воспитательное, познавательное и эстетическое значение они сохраняют и в наши дни.

Уже в довоенные годы на основе морально-политического единства народов нашей страны складывалась идейно-тематическая общность их устно-поэтического творчества, которая в грозные годы войны еще больше укреплялась. В многонациональном творчестве народов Советского Союза ведущей стала тема защиты Родины, героической борьбы под руководством Коммунистической партии против фашистских захватчиков. Эта же тема стала определяющей и в творчестве белорусского народа, который с первых дней войны оказался лицом к лицу с врагом.

На территории Белоруссии широко развернулось партизанское движение. В рядах партизан и подпольщиков боролись против оккупантов свыше 440 тыс. человек, вместе с коренным населением — белорусами (71,9%) — русские (19,29%), украинцы (3,89%), литовцы, латыши, грузины, казахи, армяне, узбеки, азербайджанцы, молдаване — представители более 70 национальностей Советского Союза[1]. В составе партизанских отрядов на территории республики были также словаки, чехи, поляки и др.

Массовое партизанское движение, многонациональный состав партизан, временная фашистская оккупация, принесшая неисчислимые муки и страдания советским людям, и другие специфические условия жизни и борьбы белорусского народа определили некоторые особенности его поэтического творчества в рассматриваемый период.

Белорусское народное поэтическое творчество военных лет уже тогда привлекло в себе внимание фольклористов. История его собирания и изучения в той или иной степени освещалась в различных работах[2], од-

---

[1] *Хацкевич А. Ф., Крючек Р. Р.* Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов СССР. Минск: Наука и техника, 1980, с. 21.

[2] См., например: Беларуская этнаграфія і фальклярыстыка. Бібліяграфічны паказальнік/Складальнік Грынблат М. Я. Мінск: Навука і тэхніка, 1972, с. 234—238; *Кабашни-*

нако обобщающего исследования по историографии этой проблемы нет. Не углубляясь в нее, мы хотели бы обратить внимание на несколько вопросов, характеризующих специфику рассматриваемого материала. Прежде всего это вопрос об источниках, которыми может воспользоваться исследователь народной поэзии военных лет. Наряду с полевыми записями, которые ведутся фольклористами[3] уже четыре десятилетия и являются важнейшим подтверждением устного бытования тех или иных произведений, большое значение в данном случае приобретают письменные (печатные и рукописные) источники: партизанские газеты, стенгазеты, журналы, в том числе и рукописные, листовки, а также распространенные в те годы рукописные собрания (альбомы) песен.

Хорошо представляя значение острого народного слова, силу народной песни, походного марша, политработники и работники редакций партизанских и подпольных газет и журналов широко использовали этот материал и нередко сами становились собирателями народной поэзии, привлекавшей их прежде всего как средство политической агитации. В Белоруссии в годы войны издавалось типографским способом свыше 160 подпольных газет, печатались листовки, выпускалось много стенгазет, боевых листков, рукописных журналов, и почти в каждом из этих изданий помещались стихотворения, песни, пословицы и поговорки, юморески, частушки и художественные произведения других жанров. Оценивая эти материалы, И. В. Гуторов писал: «Это и есть настоящий первоисточник для изучения белорусского фольклора Великой Отечественной войны. И только опираясь на эти действительно неисчерпаемые сокровищницы и хранилища боевой народной поэзии, мы сможем правильно судить об условиях возникновения, формах бытования, способах распространения и использования массового поэтического народного творчества в годы Великой Отечественной войны»[4].

Действительно, имеющиеся издания белорусской народной поэзии Великой Отечественной войны и наиболее полное из них — «Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны» в значительной мере основаны на партизанской печати. Изучение опубликованных в них поэтических произведений помогает глубже понять фольклорный процесс, особенности бытования и распространения тех или иных произведений, их место в жизни партизан.

Большую ценность для исследователя представляют встречающиеся там пояснения к художественным текстам. В одних случаях это сведения о популярности среди партизан того или иного произведения, в других — об авторстве, в третьих — о наиболее типичных условиях исполнения, в четвертых — об истории создания и т. д. Однако такие комментарии встречаются нечасто, поэтому для выяснения степени популярности произведения, характера его бытования и других вопросов необходимо привлекать дополнительные материалы, прежде всего экспедиционные записи, мемуарную литературу, а также сравнительный русский и украинский материал.

В первых исследованиях белорусского поэтического творчества периода Великой Отечественной войны главное внимание было уделено его идейно-тематическому содержанию, связи с действительностью, жанровой характеристике, вопросам классификации. Патриотизм народной поэзии этих лет, ее идейно-тематическое богатство, агитационная роль и общественное значение показаны в статьях и книге И. В. Гуторова[5]. Участник партизанского движения, он приводит сведения о фольклори-

---

ков К. П. Збирання і вивчення білоруської народної поетичної творчості періоду Великої Вітчизняної війни.— Народна творчість та етнографія, 1977, № 3, с. 20—26; *Гусев В. Е.* Славянские партизанские песни. Л.: Наука, 1979, с. 5—22.

[3] Первые научные записи белорусского фольклора Великой Отечественной войны были сделаны Л. Г. Барагом, М. Я. Гринблатом. И. В. Гуторовым, И. В. Зазеко, В. Ю. Крупянской, М. С. Меерович. Им же принадлежат и первые публикации.

[4] Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны/Склад.: Гутараў І. В., Грынблат М. Я., Кабашнікаў К. П., Сцяпунін І. Р., Цішчанка І. К. Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1961, с. 23 (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

[5] *Гуторов И. В.* Борьба и творчество народных мстителей. Минск, 1949.

зации авторских произведений, их бытовании, однако связь народного творчества с действительностью трактуется им несколько прямолинейно, не выдержан единый принцип жанровой и внутрижанровой классификации материалов. Эти и другие недостатки, а также достоинства книги И. В. Гуторова отмечались в печати [6].

Прозаическим произведениям, специфическому жанру военных лет — песням полонянок, вопросам классификации были посвящены работы Л. Г. Барага, М. С. Меерович, М. Я. Гринблата [7], расширявшие представления о жанровом составе народной поэзии Великой Отечественной войны. В них затрагивался вопрос о роли классического фольклорного наследия, показывались пути трансформации традиционных сказочных сюжетов, однако и здесь некоторые теоретические вопросы, в том числе и классификация, недостаточно разработаны.

В работах В. Т. Тарасова, И. В. Зазеко, Л. С. Мухаринской [8], исследовавших массовую партизанскую поэзию и творчество самодеятельных поэтов и композиторов, были выявлены новые источники и новые имена самодеятельных авторов, проанализированы особенности их творчества, раскрыты связи с литературными и фольклорными традициями. Несмотря на то что авторы не ставили перед собой задачи исследования соотношения коллективного и индивидуального, на основании их наблюдений можно говорить о внутренних изменениях в самой природе народного творчества, о многообразии форм его проявления.

В репертуаре партизан большое место занимал традиционный фольклор, многие произведения которого оставались созвучными военному времени, на что обратили внимание уже первые собиратели и исследователи. Специально проблеме преемственности традиций посвящена статья Г. А. Барташевич [9], где автором проанализирован репертуар традиционной песни, исполнявшейся в партизанских отрядах, и выявлены наиболее характерные песни, бытовавшие на территории Белоруссии.

Широкий круг вопросов, имеющих непосредственное отношение к белорусскому фольклору, освещается в книге В. Е. Гусева о партизанских песнях [10]. Отмечая разнообразие форм художественного творчества партизан, автор выступает против недифференцированного подхода к ним и смешения коллективного творчества и индивидуального, обнаружившего две тенденции: ориентацию либо на классические формы устно-поэтического творчества, либо на литературные образцы. В. Е. Гусев рассматривает истоки партизанских песен, их отношение к действительности, предлагает свою жанровую классификацию, анализирует песенную поэтику. Несомненной заслугой автора, широко использовавшего белорусский материал, является также показ общих черт идейно-тематического содержания, поэтики, фольклорного процесса в песенном творчестве славянских народов периода второй мировой войны.

Проблему общего и особенного, интернационального и национального в славянском фольклоре второй мировой войны, характер взаимодействия разноэтнических фольклорных традиций в этот период рассматривали также Б. П. Кирдан и автор этих строк [11].

---

[6] Русский фольклор Великой Отечественной войны/Отв. ред. *Гусев В. Е.* М.— Л.: Наука, 1964, с. 29—30.

[7] *Бараг Л. Г.* Песни белорусских девушек, угнанных в немецкую неволю.— Сов. этнография, 1946, № 2, с. 161—172; *Бараг Л. Г., Меерович М. С.* Белорусские народные предания и сказки-легенды о Заслонове и Ковпаке.— Сов. этнография, 1948, № 2, с. 147—155; *Гринблат М. Я.* О фольклоре Великой Отечественной войны в Белоруссии.— В кн.: Тр. II Всесоюзного географического съезда. Т. 3. М., 1949, с. 398—404.

[8] *Тарасов В. Т.* Массовая партизанская поэзия Белоруссии периода Великой Отечественной войны. Минск, 1951; *Зазека І. В.* Песні беларускіх партызан Вялікай Айчыннай вайны.— Вучоныя запіскі Мінскага дзяржаўнага педінстытута. Філалагічная серыя. В. 1. Мінск, 1950, с. 118—127; *его же.* Лясныя песні. Мінск: Беларусь, 1970; *Мухаринская Л.* Белорусская народная партизанская песня. 1941—1945. Минск, 1968.

[9] *Барташэвіч Г. А.* Традыцыйная песня ў беларускай народнай творчасці перыяду Вялікай Айчыннай вайны.— В кн.: Праблемы сучаснага беларускага фальклору. Мінск: Навука і тэхніка, 1969, с. 99—113.

[10] *Гусев В. Е.* Указ. раб.

[11] *Кирдан Б. П.* Общее и особенное в песенном фольклоре восточных и западных славян периода второй мировой войны.— В кн.: История, культура, этнография и фоль-

В известной степени обобщающей для своего времени работой явилась книга «Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны» (1961) — сборник текстов с обширной вступительной статьей и научными комментариями.

Общий обзор белорусского фольклора Великой Отечественной войны сделан А. С. Федосиком, особое внимание уделившим партизанской сатире[12].

Несмотря на имеющиеся работы, в изучении белорусской народной поэзии военных лет остается немало нерешенных вопросов, в ряде случаев выходящих за рамки национального народного творчества. К ним в первую очередь относится вопрос о специфике народного творчества военного периода, границах этого явления. Многообразию его форм сопутствует нечеткость границ между ними. В одном случае авторская песня дает варианты, в другом широко бытует в своем первоначальном виде, иногда мы имеем дело с зафиксированным текстом, написанным в подражание известной народной песне, но не располагаем сейчас данными о форме его бытования, хотя вероятность использования текста как песни не исключена, так как он опубликован в партизанской печати и был известен широкому кругу читателей. Таких и подобных им обстоятельств много, и все они в той или иной степени могут влиять на определение «фольклорности» произведения. Полностью разделяя точку зрения о важности дифференцированного подхода к различным формам массового поэтического творчества и концентрации внимания на явлениях фольклорных, исходя из опыта полевых экспедиционных исследований, мы убеждаемся в необходимости несколько расширить традиционные для фольклористики рамки наблюдений, проявлять бóльший интерес к воспоминаниям и другим произведениям, отразившим не только героику тех дней, но и трагизм положения советских людей, оказавшихся на временно оккупированной врагом территории.

До сих пор крайне недостаточно внимания уделялось прозаическим жанрам. Необходимы кропотливая работа по выявлению новых материалов, а также исследование жанровой специфики, художественных особенностей, связей прозаических жанров фольклора Великой Отечественной войны с традиционным фольклором.

Наибольшее развитие в годы войны получили песенное творчество и частушки. Именно здесь особенно полно проявились многообразие творческих поисков, форм и путей реализации художественных замыслов, активное использование традиционного поэтического наследия. По воспоминаниям партизан Белоруссии, большой любовью среди них пользовались традиционные белорусские, русские и украинские народные песни. Из художественного наследия выбиралось то, что наиболее полно отражало чувства и настроения людей в конкретных обстоятельствах. Поэтому среди традиционных песен, бытовавших в те годы, есть и героико-патриотические, и элегические, и лирические, и шуточные. Наиболее распространенные из них: «На полі яр, яр», «Каліна-маліна, чаго ў лузе стаіш?», «У нядзелю рана», «Кукавала зязюлька», «У полі пшаніца», «Ой, жураўка, жураўка», «Зайшло сонца за хмарачку», «Варяг», «Ермак», «Шумел, горел пожар Московский», «Тайгой неведомой, глухою», «Рэве та стогне Дніпр шырокі»[13]. Характерно, что многие русские и украинские народные песни, бытовавшие в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, были известны здесь и раньше, прочно входили в национальный песенный репертуар, исполнялись на белорусском языке. Среди них «Ой, ходила Машенька по садочку», «Над озером чаечка вьется», «Солнце всходит и заходит», «Распрягайте, хлопцы, коней» и др. Связанные с фольклорной традицией двух или трех народов,

---

клор славянских народов (VIII Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации). М.: Наука, 1978, с. 360—384; *Кабашнікаў К. П.* Інтэрнацыянальнае і нацыянальнае ва ўсходнеславянской народнай паэзіі Вялікай Айчыннай вайны. Мінск: Навука і тэхніка, 1982.

[12] *Фядосік А. С.* Народная паэзія барацьбы. Мінск: Навука і тэхніка, 1981.

[13] Праблемы сучаснага беларускага фальклору, с. 105.

такие произведения в условиях партизанского быта, объединившего людей многих национальностей, быстрее других завоевывали популярность.

Активно бытуя, традиционное песенное творчество в годы Великой Отечественной войны служило образцом для создания новых произведений, обогащало их поэтическую палитру. Исследователи славянских партизанских песен отмечали широкое использование в новых произведениях традиционных образов-символов. Образы-символы сокола, ворона, темной тучи с их традиционным идейно-эстетическим содержанием стали типичными для белорусского песенного творчества этих лет.

Простейший способ актуализации традиционных песен — замена отдельных слов или строк при сохранении остального текста, его идейной направленности и эмоционального звучания. Так была связана с событиями военных лет традиционная белорусская песня «У полі пшаніца, пшанічанька яра» (с. 255), где благодаря изменениям в одной строке образ раненого воина трансформируется в образ раненого партизана.

Однако в большинстве случаев трансформация традиционных песен оказывалась более глубокой. Творческой переработке подверглась традиционная любовная песня «Закукуй, забрукуй, сівы галубочак», передающая глубокую печаль девушки, вызванную неразделенной любовью. Настроения грусти, тоски, присущие этой песне, были созвучны переживаниям советских людей, страдавших от произвола оккупантов. Новая версия традиционной песни[14] отличается от первоосновы прежде всего оптимистическим взглядом в будущее, уверенностью в освобождении, придававшими советским людям новые силы в борьбе с захватчиками. На белорусской фольклорной песенной основе были созданы новые песни: «Ой, у лузе, пры дубочку» (с. 190), «Было у Сымоніхі семера дачок» (с. 205), в которых использованы традиционные сюжеты, образы, художественные средства.

Современное звучание приобретали многие старые русские песни. В одних случаях актуализация достигалась путем незначительных изменений в тексте, как это произошло с солдатской песней, варианты которой известны по публикациям Соболевского, «Шчэ сонца не заходзіла» (с. 256—257). В других случаях на основе популярных произведений, ставших достоянием духовной культуры многих народов нашей страны, слагались новые песни — подражания, переработки, пародии и т. д., в которых использовались отдельные строфы, образы, ритмика и мелодия первоисточника. В Белоруссии такие произведения распространялись и на русском, и на белорусском языках. Последние, естественно, имели местное происхождение. Среди песен на русском языке только некоторые связаны с местными событиями.

Много подражаний вызвала известная песня «Кочегар» («Раскинулось море широко...»). Созданные на ее основе произведения, записанные на территории Белоруссии, разнообразны по тематике. Песня «Короткий привал перед боем» (с. 83—84), опубликованная в газете «За Советскую Родину», издававшейся в одной из белорусских партизанских бригад, рассказывала о письме, полученном солдатом, передавала патриотические чувства советских воинов, их уверенность в окончательной победе. На мелодию «Кочегара» белорусские партизаны пели песни о подвигах летчика, матроса, о боях за Севастополь. Песня «Широко раскинулись ели» (автор текста — партизан В. Ушаков), также опубликованная в одной из партизанских газет, рассказывает о дерзком разгроме партизанами вражеского гарнизона, бесстрашии и героизме народных мстителей, которым леса стали родным домом (с. 91).

В песенном творчестве Белоруссии периода Великой Отечественной войны широко использованы как первооснова и образец многие другие известные русские песни литературного происхождения, в том числе «Коробушка», «Утес», «Крутится-вертится», «Степь да степь кругом», «Рябина» (с. 103, 134, 139, 146, 174, 176, 243), а также массовые совет-

---

[14] Песні савецкага часу/Складальнік *Барташэвіч Г. А.*, складальнік музычнай часткі Ялатаў В. І. Мінск: Навука і тэхніка, 1970, с. 256—257.

ские песни предвоенного и военного времени: «Катюша», «Песня трактористов», «По долинам и по взгорьям», «Землянка» (с. 203, 85, 92, 111, 199) и др. Во многих из них рассказывалось о партизанах, боевых операциях подрывников, разоблачались оккупанты, их зверства на белорусской земле.

Говоря о подражаниях, переделках, пародиях, мы тем самым затрагиваем вопрос о роли индивидуального, авторского начала в процессе песнетворчества. Действительно, авторство многих подобных произведений установлено, либо предполагается. В то же время индивидуальное творчество здесь протекало почти всегда в рамках традиций фольклорной либо массовой песни, в которой также заметную роль играет фольклорное начало. Таким образом, по своим идейно-эстетическим параметрам большинство названных произведений принципиально не противостоит устно-поэтическому творчеству и, более того, тождественно ему. Несмотря на публикацию многих произведений в партизанских изданиях, текст их не канонизировался, они распространялись преимущественно устно, в процессе устного бытования нередко варьировались.

Несколько иной характер приобретало творчество самодеятельных и профессиональных поэтов, создававших новые произведения, не связанные с классическими образцами. В одних случаях они ориентировались на фольклор, в других — на литературные образцы. Широкое распространение в Белоруссии получили песни на стихи Я. Купалы, К. Крапивы, П. Глебки, М. Танка, А. Астрейки и некоторых других поэтов. В большинстве своем это были произведения, созданные как непосредственный отклик на события войны, но в то же время известны и факты фольклоризации стихотворений, написанных еще в довоенные годы. Произведения военных лет более прочно сохраняли свою первооснову. Например, в песне на слова М. Танка «Не шкадуйце, хлопцы, пораху» (с. 55, 511) сохранен весь текст, за исключением небольших изменений во второй строфе. Почти без изменений бытовала песня на слова А. Астрейки «Каб жыць на свабодзе па-людску» (с. 63), повествующая о широком размахе партизанского движения в Белоруссии. Здесь варьируется только одна строка в последней строфе. В другом стихотворении А. Астрейки — «У лесе, на імшыстай палянцы», которое также стало партизанской песней, в процессе устного бытования были опущены две строфы, другие изменения менее значительны.

Фольклоризация произведений, созданных в довоенное время, сопровождалась более существенными изменениями, обусловленными необходимостью приспособить известный текст к новой действительности. Творчески осмыслены и переработаны купаловские стихотворения «Выпраўляла маці сына» и «Над ракою у спакоі», написанные автором в фольклорном духе. Эта фольклорность стиля сохранена и в партизанских песнях, значительно отошедших от авторской первоосновы (с. 60, 157, 48, 512, 532). В вариантах партизанской баллады «Над ракою у спакоі» сохранены традиционные фольклорные образы-символы калины, кукушки (зязюлі), используются многие поэтические средства лирических песен, в том числе параллелизм.

Народных мстителей привлекли бодрые, призывные интонации довоенного стихотворения П. Глебки «Песня физкультурников», также ставшего песней. Фольклоризация вызвала значительные отклонения от авторского текста, который стал созвучен изменившимся условиям жизни и выражал мысли и настроения советских людей, решительно вставших на борьбу с захватчиками:

Над Бярозай-ракой, над далінаю,
Заігралі гарністы паход:
Узнімайся, сям'я сакаліная,
Уставай на змаганне, народ! (с. 56).

Как видим, стихотворения профессиональных и самодеятельных поэтов являлись постоянным поэтическим резервом песнетворчества пе-

риода Великой Отечественной войны. Обращают на себя внимание «функциональность» многих произведений, их исполнение в определенных ситуациях и обстоятельствах (на торжественных собраниях партизан и местного населения, на траурных митингах и т. д.), а также возрождение традиционных для Белоруссии «гуторок» — народных стихотворных рассказов о различных событиях общественной жизни и семейных взаимоотношениях. Стенгазета «Родина зовет» партизанского отряда № 115 рассказывала об одном из авторов таких «гуторок» — 90-летнем крестьянине: «Он всем сердцем ненавидит гитлеровских захватчиков. В своих рассказах в стихотворной форме он славит героическую борьбу Красной Армии и партизан, высмеивает фашистских прислужников — полицейских»[15].

Возвращаясь к песенному творчеству, бытовавшему в годы Великой Отечественной войны в Белоруссии, отметим, что многообразию путей возникновения песен соответствуют многообразие жанровых форм и богатство идейно-тематического содержания. Здесь представлены эпические, лироэпические, лирические песни, а также многочисленные юмористические и сатирические произведения.

Как писал В. Е. Гусев, партизанская эпика в ее классическом выражении развивалась лишь там, где устойчиво держалась живая народная эпическая традиция[16]. В Белоруссии она не сохранилась, поэтому функции эпических песен выполняли здесь стихотворные рассказы о наиболее важных событиях боевой деятельности партизанских отрядов, отдельных дерзких боевых операциях. Характерным примером такого произведения является исполнявшаяся на мотив «Конармейской» (музыка братьев Покрасс, текст А. Суркова) песня «По земле партизанской» (с. 92—93, 518—519), сложенная под непосредственным впечатлением боя за д. Красное Ушачского района Витебской обл. Подробно и последовательно излагая основные события операции, песня говорит о беззаветной отваге и мужестве партизан.

Нередко в поэтическом рассказе о конкретных событиях, операциях, в которых погибли боевые товарищи, звучат ноты трагизма, горечь утраты. Подобное сочетание эпического и трагического присуще песне «Их было тринадцать» (с. 94), посвященной памяти 13 партизан 61-го партизанского отряда, погибших в неравном бою, но уничтоживших свыше 70 фашистов. Сочетание в этом произведении эпического и трагического начал дает основание отнести его к балладам. С балладами роднит песню и пафос утверждения победы добра над злом, справедливости над несправедливостью.

Эпическое начало является определяющим во многих партизанских походных маршах. Как отмечал И. В. Гуторов, «почти каждый крупный партизанский отряд имел свой особый марш»[17]. В этих произведениях обычно запечатлевались наиболее крупные успешные бои отряда, победы, которыми гордился каждый партизан, имена прославленных командиров, комиссаров и рядовых бойцов, благодаря чему подобные произведения становились своего рода поэтическими биографиями партизанских отрядов, летописями их боевой славы. О разгромах фашистов под Дражней и Шацком говорится в походной песне-марше III Минской партизанской бригады «Отомстим фашистским гадам...» (с. 117—118), исполнявшейся на мотив песни «По долинам и по взгорьям». На эту же мелодию был написан марш «Поднималися туманы» 122-го партизанского отряда Ф. М. Тарасова «За Родину», в котором упоминаются разгром фашистского гарнизона в д. Кудин Белыничского района и названия других деревень, расположенных в зоне действий отряда:

Мимо Гуты, мимо Буды,
По болотам и лесам

---

[15] Архив Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, ф. 9, оп. 1, д. 11, тетр. 3, л. 59.

[16] *Гусев В. Е.* Указ. раб., с. 79.

[17] *Гуторов И. В.* Борьба и творчество народных мстителей, с. 215.

Шли тарасовцы на Кудин
Отомстить фашистским псам... (с. 119).

В партизанской лирике преобладают гражданские мотивы. Во многих песнях, созданных и в начале войны, и накануне освобождения белорусской земли от оккупантов, звучит призыв к борьбе с фашистскими захватчиками, призыв идти в партизаны, призыв к сопротивлению, отмщению за разрушенные города и села, за массовые убийства, за зверства, которые чинили на советской земле фашисты:

Не шкадуйце, хлопцы, пораху,
Куль гарачых і гранатаў.
Каму воля наша дорага,
Подымайцеся на ворагаў,
На катаў! (с. 55).

К этим песням, песням-«кличам», как их назвал В. Е. Гусев, или песням-«заклікам», т. е. призывам, как они определены в книге «Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны», близки по звучанию песни-присяги, песни-клятвы и песни-наказы, глубоко и верно отразившие беспредельную преданность советских людей своей Родине, их готовность бороться до полной и окончательной победы над врагом:

Будзе цяжка — мы цяжкасць асілім,
Будзе трэба памерці — памром,
За Радзіму, што нас узрасціла,
За бацькоў і за родны свой дом (с. 58).

Во многих песнях, посвященных памяти павших героев, звучали клятвы отомстить врагу за гибель боевого товарища.

Значительное место в партизанской лирике занимала тема расставания молодого воина с отчим домом, с родными и близкими, с любимой. Но и в этих произведениях нет камерности. Глубокие личные переживания в них, вызванные не только самой разлукой, но и большими опасностями, с которыми обязательно встретится партизан, лишь подчеркивают осознание священного долга защиты Отчизны. Прощальное слово матери или любимой в песнях и стихотворениях партизанских поэтов звучит как наказ Родины быть храбрым, смелым, отдать все силы для разгрома ненавистного врага:

Праважала сына маці
ў бой вялікі, важны,
Праважала і казала:
— Будзь, сынок, адважным! (с. 60).

Определяющими в белорусской народной лирике Великой Отечественной войны стали тема народного подвига и тема Родины. Тема народного подвига раскрывается многопланово, каждый раз по-новому. Во многих произведениях, отразивших патриотический подъем народа, создана картина массового героизма, массового участия советских людей в борьбе против захватчиков. В них не выделяется один герой, не называется его фамилия, не говорится, чем он занимался в отряде. Героями таких песен являются все бойцы отряда или все принимавшие участие в боевой операции, и такой собирательный образ наиболее полно воплощает идею всенародной борьбы, ее мощную, твердую поступь («У бары зялёным...», «Шуміць, гудзе завея злая») (с. 65, 70). В то же время немало песен сложено про подрывников, разведчиков, боевые дела которых овеяны романтикой. В этих песнях большую роль играет меткая художественная деталь, помогающая воссоздать реальную обстановку боевых действий, подчеркнуть особенности партизанского быта. В песнях «Па полі, пакрытым туманам» (с. 72), «Далеко мы под Минск

уезжаем» (с. 101) и многих других упоминаются и «темная ночка», и «густой туман», и «шум столетних сосен», и «тревожный гудок паровоза», и другие детали, придающие достоверность описываемым событиям.

Лучшие качества народных мстителей — мужество, отвага, беззаветная любовь к Родине и своему народу воплощены в образах партизанских командиров — Т. П. Бумажкова, которому уже в августе 1941 г. было присвоено звание Героя Советского Союза, С. А. Ковпака, С. В. Гришина и др. Легендарной славой овеяно имя верного сына белорусского народа К. С. Заслонова. Его жизнь, беззаветное служение Родине, беспримерное мужество, героизм нашли отражение в песнях и легендах, а некоторые его любимые выражения стали крылатыми среди партизан. Его памяти посвящены песни «Не зязюлька плача і кукуе» (с. 149), «На магіле ружы расцвітаюць» (с. 150), где наряду с глубокой скорбью о гибели прославленного партизанского командира передан отличавший Заслонова и заслоновцев неудержимый яростный порыв, сметавший ненавистного врага:

Колькі ворагаў — ніколі не злічалі,
А пыталіся адразу толькі: «Дзе?».

Идя в бой, народные мстители мечтали о том времени, когда снова обретет свободу и расцветет родной край. В то же время во многих произведениях, бытовавших в Белоруссии, говорится о различных городах нашей страны и республики как о конкретном воплощении великого и священного понятия Родины. С особой теплотой упоминается в них Москва — столица, сердце Родины, голос которой множил силы и вселял уверенность в победе над фашизмом:

У лесе, на імшыстай палянцы,
Пад восеньскі шум баравы
Сышліся мы ў цёмнай зямлянцы,
Каб голас паслухаць Масквы...

У нас прасвятліліся вочы,
І стала ў зямлянцы цяплей,
І кожны наблізіцца хоча
Да рупара трошкі бліжэй (с. 73).

С темой Родины неразрывно связана тема «партия — Ленин». Партия явилась организатором и руководителем партизанского движения, коммунисты составляли костяк партизанских отрядов и соединений, в боях всегда были впереди. Они проводили большую агитационную работу среди партизан и населения временно захваченных врагом территорий. Слово партии, призывы партии всегда находили живой отклик в сердцах советских людей. Отсюда и в песнях подчеркивается, что «па закліку роднае партыі за атрадам спяшае атрад» (с. 562), что «па волі вялікага Леніна рушаць атрады у бой» (с. 56).

Особое место в песенном творчестве Великой Отечественной войны занимали песни полонянок, насильно оторванных от Родины, обреченных на каторжный труд, но не покоренных, не сломленных, не потерявших надежду на возвращение домой. Песни полонянок опираются на традиции народной лирики, в первую очередь на рекрутские и тюремные песни, а также на традиции городского романса. В песнях «Прайшла вясна, настала лета», «Нас загналі, закупорылі», «Ночка цёмная, ноч крылатая» (с. 228—230) и др. воссозданы картины жизни в неволе, непосильного труда, невыносимых условий лагерного быта в холодных бараках, постоянных издевательств со стороны надсмотрщиков.

И только мысль о Родине, надежда на освобождение согревали сердца полонянок, помогали переносить все невзгоды, оказывать сопротивление палачам. Как присяга верности Отчизне звучат заключительные слова песни «Нас загналі сюды, закупорылі»: «Я з любімаю старонкаю буду сэрцам заўсягды» (с. 229).

Большой популярностью пользовались сатирические произведения. Высмеивая врагов, показывая их истинное лицо — захватчиков, насильников, грабителей, палачей, разоблачая миф фашистской пропаганды о непобедимости немецкой армии, сатирические песни поднимали боевой дух партизан и населения временно оккупированных областей. Они часто создавались на ритмико-мелодической основе известных народных и массовых песен. При этом использовались отдельные строфы и строки, иногда целостная система образов. Нередко авторами первоначального текста были известные белорусские поэты. На мелодию украинской песни «Ой, не ходи, Грицю...» К. Крапива написал новый текст «Ой, не хадзі, фрыцу...» (с. 208), в котором рассказал, какие «чары» приготовили белорусские девушки непрошеным гостям.

Сатирическую пародию на белорусскую шуточную народную песню «Чечеточка» создал П. Панченко (с. 205), на русскую народную песню «Позарастали стежки-дорожки» — А. Астрейко (с. 213). Профессиональные и самодеятельные поэты неоднократно обращались к популярной белорусской песне «Бывайце здаровы»[18]. В ее военных вариантах звучат пожелания воинской удачи советским бойцам («Каб ваша дывізія стала гвардзейскай») и гневное осуждение фашистских захватчиков: «Дык будзь жа пракляты зброд катаў паганы!».

Нередко песни военной поры возникали как непосредственный поэтический отклик на те или иные события. Еще более оперативными были частушки. К белорусским частушкам полностью относится вывод, сделанный на русском материале исследовательницей этого жанра З. И. Власовой, которая подчеркивала, что в них «отразился весь ход войны, упоминаются важнейшие исторические битвы, города, которым угрожал враг, названия фронтов, имена прославленных героев»[19], хотя, конечно, частушка прежде всего передавала настроения, переживания людей, их отношение к тем или иным событиям и фактам.

В белорусских частушках нашли отражение вероломное нападение фашистов на нашу страну, злодеяния захватчиков, славные дела партизанских отрядов, героизм народных мстителей, помощь населения партизанам, разгром фашистских армий и освобождение родной земли. Тематика частушек не ограничивалась местными событиями, в них запечатлена радость в связи с победами советских войск под Москвой, Сталинградом, Орлом, на других фронтах:

Каля Волгі, ракі рускай,
Там дзе горад Сталінград,
Нашы фрыцаў касанулі —
Яны коцяцца назад (с. 388).

Военная действительность определила содержание лирических девичьих частушек. Мысли и чувства девушки обращались к защитнику Родины — партизану, которого она любит, рядом с которым сражается против захватчиков. Отсюда во многих частушках варьируются строки: «А мой мілы — партызан, а я — партызанка» или «А мой мілы — смелы летчык, а я — партызаначка» (с. 413). В девичьих частушках сохранились присущие им задор, юмор, органическая связь с традицией:

Я на ганачку стаяла,
Ножкі памарозіла:
Палюбіла партызана
З атрада Марозава (с. 412).

Разнообразны по тематике и сатирические частушки. Основной объект сатиры в них — хваленые фашистские вояки, правители фашистской Германии, геббельсовская пропаганда. Ряд частушек на белорусском и русском языках возник как отклик на приведение партизанами в испол-

[18] *Цішчанка І. К.* Жыццё песні. Мінск: Навука і тэхніка, 1984.
[19] Русский фольклор Великой Отечественной войны, с. 150.

нение приговора о смертной казни палача белорусского народа Кубэ·

Разышоўся Вільгельм Кубэ:
— Беларусь — калонія!
Партызаны міну ў бок —
І ўся цырымонія (с. 418).

В годы Великой Отечественной войны значительное развитие получили прозаические жанры устного народного творчества: сказки, легенды, предания, анекдоты, устные сказы, воспоминания и т. д. К сожалению, жанровая классификация имеющихся записей народной прозы довольно приблизительная, что обусловлено размытостью границ между жанрами и нечетким определением рамок жанра в фольклористической литературе.

В белорусском фольклоре Великой Отечественной войны зафиксировано несколько новых сказок[20], жанровая принадлежность которых не вызывает больших сомнений, хотя в отдельных записях ощущается влияние литературной традиции. Такие сказки, как «Змей Гарыныч», «Жываглот», «Самае моцнае слова на свеце», «Варажбітка», «Пагадаў», «Казка аб Гітлеры», в той или иной степени опираются на традиции народных сказок. В них использованы отдельные мотивы, образы, художественные средства, присущие как белорусским сказкам, так и сказкам других народов. Прежде всего это касается образа змея, в сказочном эпосе всегда воплощавшего темные, враждебные силы. Такое же идейно-эстетическое звучание приобретает этот образ и в сказках военных лет («Змей Гарыныч», «Жываглот»), и в некоторых других произведениях, где он символизирует полчища фашистских захватчиков, ринувшихся на нашу страну. Но в отличие от традиционных сказок, где победителем змея выступает богатырь, здесь ему противостоит народ, дружно вставший на защиту своего цветущего края.

В сказках этого периода можно заметить еще ряд параллелей с традиционными произведениями. Сказка «Самае моцнае слова на свеце», как и многие социально-бытовые белорусские народные сказки, построена на диалоге и в развитии сюжета имеет некоторые общие черты с белорусской народной сказкой «Мужык і пан»[21] (СУС 2040). Еще большее сходство видно в образе главного героя. Как и в сказке «Мужык і пан», герой которой, крестьянин, умел с панами говорить, герой современной сказки также умело и с достоинством ведет разговор со своим врагом (Гитлером), а в конце его произносит самое сильное слово на свете, от чего «у Гитлера сразу половина тела отнялась, глаза на лоб полезли. А по всей Белоруссии пущи ожили — и лес и люди на врага пошли» (с. 443).

К жанру преданий можно отнести устный рассказ «Пра мужыка Івана» (с. 444), повествующий о мужестве и героизме белорусского крестьянина, повторившего подвиг Ивана Сусанина. Это рассказ о реальном лице и достоверном событии, хотя данная ситуация — гибель врагов, заведенных героем в непроходимые леса и болота и его самого от руки врага, неоднократно возникавшая и в Отечественной войне 1812 г., и в Великой Отечественной войне, стала устойчивым фольклорным сюжетом, запечатленным в фольклорных сборниках, например во втором томе «Материалов» П. Шейна[22]. Когда фашисты ворвались в полесское село Новина Старобинского р-на Минской области и потребовали, чтобы старый крестьянин Михаил Цуба показал им кратчайшую дорогу через леса и болота к важному стратегическому пункту, Цуба ответил отказом, и его тут же расстреляли. Быть проводником согласился его брат Иван,

---

[20] Казкі і легенды роднага краю/Склау *Кабашнікаў К. П.* Мінск, 1960, с. 237—241; Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны, с. 435—443.

[21] *Сержпутовский А. К.* Сказки и рассказы белорусов-полешуков. Спб., 1911, с. 83—85.

[22] Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. II. СПб, 1893, с. 455—456.

который и завел врагов в топи и болота, где все они погибли. Этот факт лег в основу предания.

Много прозаических произведений связано с именами прославленных партизанских командиров К. С. Заслонова и С. А. Ковпака. Какая-то часть из них может быть отнесена к легендам, хотя, возможно, это несколько противоречит определению легенды как устного рассказа, в основе которого лежит фантастический образ или представление. В данном случае перед нами рассказы о реальном лице, повествование о котором принимает героико-фантастический характер. Яркий пример такого произведения — легенда «Бяссмерце» (с. 452). Образ Заслонова в ней приобретает черты сказочного богатыря. Чудесный помощник — старенький дедок — дает ему стародавний меч, богатырского коня и, напутствуя в бой, определяет его дальнейшую судьбу: «Будешь ты победителем!». Вместе с Красной Армией Заслонов громит врага, а после победы «стал жить на горе бессмертных героев. И теперь там живет». Традиционный фольклорный мотив бессмертия героя усиливает необычность, легендарность образа Заслонова и всего произведения.

Иной характер имеют многочисленные рассказы о том, как Заслонов ходил в разведку, как он действовал в Орше, как ушел из города в лес, перехитрив фашистов. Публикуя подобные материалы, некоторые исследователи объединяли их общим названием «Предания и сказки-легенды»[23]. Если понимать под преданиями повествования о реальных лицах и достоверных событиях, как это имеет место в предании «Пра мужыка Івана», то вторая часть определения в большинстве этих произведений не реализуется или реализуется весьма условно: действия героя в принципе возможны, в большинстве своем реальны, но чаще приписываются герою, чем действительно совершаются им самим. Однако циклизация подобных произведений вокруг имени Заслонова или Ковпака неслучайна: их мужество, личная отвага, воинская смекалка были хорошо известны партизанам. В многочисленных рассказах о том, как Заслонов, переодевшись в форму немецкого генерала, «инспектировал» вражеские гарнизоны или проникал в расположения врага, переодевшись стариком, художественно обобщается опыт партизанской борьбы, которая дает немало примеров подобных операций, но в то же время в них широко используются и так называемые «бродячие сюжеты».

Видимо, цикл произведений о том, как Заслонов, переодевшись, ходил в разведку, подавал сигналы советским самолетам, бомбившим железнодорожную станцию Орша, погадал «шефу Штумбе», подобно некоторым другим произведениям этого периода ближе к устным народным рассказам, чем к преданиям. Кроме упомянутых выше, в Белоруссии было создано немало устных рассказов об отваге, мужестве и находчивости рядовых партизан, о помощи населения партизанам, о встрече Советской Армии-освободительницы.

О партизанской смекалке и смелости говорится в устном рассказе «Падзел зямлі»[24]. Чтобы добраться на виду у фашистов до тщательно охраняемого железнодорожного полотна и подложить под рельсы мину, два партизана, взяв рулетку, стали измерять земельные участки, затем затеяли спор и драку. Один партизан бросился удирать и упал на рельсы, другой догнал его и снова принялся колотить, а во время этой инсценированной драки они подложили под рельсы мину, на которой вскоре подорвался вражеский эшелон. Подобный эпизод описан поэтом-партизаном Г. Диденко в стихотворении «Спор», опубликованном в литературно-художественном журнале «Кутузовец» (1944 г., № 3), органе партийной и комсомольской организации партизанского отряда им. Кутузова, что может быть подтверждением реальности изображенных в этом рассказе событий.

Среди устных народных рассказов Великой Отечественной войны необходимо выделить воспоминания советских людей об ужасах фашист-

---

[23] *Бараг Л. А., Меерович М. С.* Указ. раб., с. 147.
[24] Казкі і легенды роднага краю, с. 242—243.

ского «нового порядка», особенно людей, стоявших под расстрелом, горевших вместе с односельчанами в подожженных фашистами школах и других общественных зданиях и чудом избежавших смерти. Воспоминания о пережитом — не новый жанр для белорусского фольклора. Еще П. Шейн опубликовал несколько таких воспоминаний, в том числе и о пребывании в 1812 г. французов в Белоруссии, о героическом сопротивлении, которое оказывали захватчикам белорусские крестьяне. В воспоминаниях через призму индивидуальной памяти воскрешаются события, имевшие в свое время, а зачастую сохранившие и до сих пор большое общественное значение. Может возникнуть вопрос, правомерно ли воспоминания о событиях Великой Отечественной войны, перешагнувшие хронологические рамки тех огненных лет, относить к рассматриваемому периоду. Отвечая на него утвердительно, можно отметить, что первые записи воспоминаний относятся ко времени войны, однако индивидуальное, а не коллективное начало этих произведений, невыразительность жанровых границ и некоторые другие причины обусловили сдержанное отношение к ним фольклористов.

Решительный поворот к этому материалу сделали белорусские писатели А. Адамович, Я. Брыль и В. Колесник. Записанные ими воспоминания составили книгу [25], которая не только разоблачает ужасы фашизма, сущность его идеологии, политики выжженной земли, проводимой на захваченной территории, но и предупреждает об опасности военных приготовлений, ведущихся в ряде капиталистических стран, и призывает сделать все, чтобы предотвратить возможность новой войны.

В рамках прозаических жанров было создано большое количество сатирических произведений, прежде всего анекдотов. В них ярко проявилась духовная сила народных мстителей, их моральное превосходство над захватчиками. Развивая лучшие традиции народной сатиры, создатели анекдотов широко использовали фольклорное наследие, в том числе такие известные модели, которые зафиксированы в международных указателях сказочных сюжетов (СУС 2014А «Хорошо, да худо», 1702 С* «Комические ответы насмешника» и др.).

Еще одним видом народной сатиры, получившим широкое распространение в среде русских, белорусских и украинских партизан, были «дипломатические послания», продолжившие традиции известного письма запорожских казаков турецкому султану. Эти «послания» переписывались, перепечатывались на пишущих машинках, распространялись среди партизан и местного населения, расклеивались на дверях комендатур, полицейских участков. В их создании принимали участие и профессиональные литераторы: одно из первых таких посланий было написано К. Черным и А. Астрейко.

Характеризуя жанровый состав белорусского фольклора периода Великой Отечественной войны, необходимо отметить активное бытование малых жанров, в первую очередь пословиц и поговорок. Фонд традиционных произведений, запечатлевших патриотизм и свободолюбие нашего народа, пополнялся новыми пословицами и поговорками, развивавшими эту тему в соответствии с требованиями времени: «Папала рыбка ў нерат — ні назад, ні наперад; зайшоў фашыст ў Сталінград — ні наперад, ні назад».

Белорусское народное поэтическое творчество периода Великой Отечественной войны при всем своеобразии, отразившем особенности борьбы и быта белорусского народа в эти годы, развивалось в едином русле устно-поэтического творчества народов нашей страны, которое характеризуется общностью идейно-эстетических принципов и идеалов. Оно — еще одно проявление творческого гения нашего народа, свидетельство таких его замечательных качеств, как патриотизм, интернационализм, свободолюбие, воинская доблесть, Запечатленный в художественном слове бессмертный подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне — яркая страница в истории белорусского народного творчества.

---

[25] *Адамовіч А., Брыль Я., Калеснік У.* Я з вогненнай вёскі. Мінск: Беларусь, 1975.